

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

Литература

1. Шекспир У. Гамлет: Антология русских переводов: 1828–1880 / сост. В. Поплавский. М. : Совпадение, 2006. 320 с.
2. Шекспир У. Гамлет: Антология русских переводов: 1883–1917 / сост. В. Поплавский. М. : Совпадение, 2006. 326 с.
3. Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы : сборник / сост. А.Н. Горбунов. М. : Радуга, 1985. На англ. и русск. яз., 640 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-68

ЖАНРОВЫЕ СУБСТРАТЫ В КОМЕДИИ Н.В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР» И РОМАНЕ Ф. КАФКИ «ПРОЦЕСС»

Сафтенко Е.К.

Томский государственный университет, студент

GENRE SUBSTRATES IN NICOLAI GOGOL'S «THE INSPECTOR GENERAL» AND FRANZ KAFKA'S «THE TRIAL»

Saftenko E.K.

Tomsk State University, student

Статья посвящена раскрытию роли жанровых субстратов, введение которых выполняет схожие функции в «Ревизоре» Гоголя и «Процессе» Кафки.

Ключевые слова: Гоголь, Кафка, жанровый субстрат, повесть, ода, притча, параболла.

The article analyses the role of genre substrates, the introduction of which performs similar functions in Gogol's «The Inspector General» and Kafka's «The Trial».

Key words: Gogol, Kafka, genre substrate, novella, ode, parable.

Научный руководитель: Е.О. Третьяков, канд. филол. наук, доцент ТГУ.

Впервые в русском литературоведении о сходстве художественных систем Н.В. Гоголя и Ф. Кафки заговорил Ю.В. Манн [1], однако полных сравнительных трудов на эту тему создано не было. В том числе не были сопоставлены «Ревизор» и «Процесс», которые роднит тематическая, поэтическая и мировоззренческая общность. Для их сравнения необходимо рассмотрение жанровых структур, усложненных, наряду с прочим, введением субстратов.

В «Ревизоре» цитируются два текста, одним из которых является «Остров Борнгольм» Н.М. Карамзина: «Хлестаков. <...> Для любви нет различия, и Карамзин сказал: “Законы осуждают”. Мы удалимся под сень струг» [2. С. 76]. Используемые «ревизором» слова связаны с трагической предопределенностью жизни: в контексте повести Закон понимается и как

социально-юридическое предписание (неодобрение порочной связи), и как бытийное обречение (ниспослание запретной любви). Подобное прочтение обуславливает проблему подавления личности надличностными силами и ее исчезновения как суверенного центра. В использовании карамзинского стиха возникает интерпретация Другого как Своего, как средства удовлетворения земных потребностей: Хлестаков вскрывает этот принцип жизни чиновников, так как в нем подобный образ мыслей кристаллизуется в силу того, что он умышленно оперирует знаками культуры в своих целях (не зря после цитаты из Карамзина следуют слова, представляющие собой сентименталистское клише). Но во фразе из повести Гоголь вкладывает вместе с мнимым пониманием и понимание истинное: Высший Закон обрекает человека на невозможность следовать ему, на неизбежность греха, а затем наказует.

Вторым текстом, цитируемом в «Ревизоре», становится «Ода, выбранная из Иова» М.В. Ломоносова: «Хлестаков. <...> “О, ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек...”» [2. С. 74]. Сюжет Иова рассматривается с телеологической точки зрения: непостижимость путей Господних является следствием природы человека, которому не дано познать Бога. Так, Гоголь выбирает тексты, схожие по тематике, но противоположные в ее осмыслении, что заложено в их жанровой принадлежности: предромантическая повесть и ода. Если в первой мир рассматривается с личностно-трагической позиции, то во второй взгляд лирического субъекта оказывается надличностным, и казнь и покой оцениваются как проявления благого Создателя. Однако соседство текстов заставляет их коррелировать: все земные проявления божественной силы искажаются и перестают быть родственными Богу – приобщение к истине возможно только за счет духовных сил личности, но она попадает в ловушку между надличностных сил, что делает ситуацию безвыходной. Так, мы наблюдаем двойную авторскую оптику: относительно Закона, которому нужно следовать, и относительно человека, для которого наказание становится немотивированным.

То, что у Гоголя представлено в раздвоенном виде (т.е. разведение божественного и земного), у Кафки сливается в единое целое (в силу материальной причастности героя миру). Так и в случае жанрового субстрата, представленного притчей. Несмотря на то, что ее жанровая принадлежность ясно обозначена в «Процессе», она не так однозначна при более тщательном исследовании. Неоднозначность определяется уже восприятием этого текста самим Кафкой, который подчеркивает

жанровую принадлежность в романе, но в дневниках обозначает ее непоследовательно (легендой или рассказом). Через данные дефиниции происходит приближение текста, который имеет практически сакральный характер, являясь Введением к Закону, к действительности. Отношение к притче «У врат Закона» сопологаемо с отношением к священным текстам: «Сам Свод законов неизменен, и все толкования только выражают мнение тех, кого это приводит в отчаяние». Становится очевидным, что притча является частью целого сакрального учения (Закона). Однако значимо, что сама история поселянина повторяет историю К., они практически отождествляются, поэтому сама действительность уподобляется Закону, Священной Книге, что удовлетворяет идее о нерасторжимости Высшего Суда и материального мира в романе Кафки. В связи с этим сам факт существования личности, претендующей на построение индивидуального пути, уподобляется собственному толкованию сакрального текста. Нечто схожее происходит и с «Ревизором» Гоголя: «Гоголевское же разрушение «четвертой стены» расширяет сценическое пространство до пространства бытия, распространяя метафизические законы, заявленные в тексте, на реальность, простирающуюся за его пределами, тем самым превращая текст не в аналог действительности, но в своеобразную Книгу Бытия, фиксирующую принципы мироустройства»¹. Однако спецификой «Книг Бытия» и Гоголя, и Кафки, является свойственная им скорее не притчевая, а параболическая жанровая основа. То есть во главу угла ставит проблема интерпретации правил, заложенных в тексте.

Отметим также, что в кафкианской притче совмещаются личностное и надличностное начала, представленные в комедии Гоголя через субстраты оды и повести. Это проявлено в сближении сюжетной канвы притчи и жизни К.: так, обозначаются догматическая установка Закона и пытающаяся пробиться индивидуальная установка человека. К тому же рассказ священника как парабола окружается интерпретациями, имеющими противоречивый характер: кто-то определяет жертвой желающего познать сущность Закона поселянина, а кто-то – привратника. Наличие ремарочных текстов вокруг «Ревизора» создает подобный же эффект проблематизации интерпретации (не зря в «Театральном

¹ Третьяков Е.О. Субстрат карамзинского «Острова Борнгольм» в «Ревизоре» Гоголя (статья принята к печати в сборнике материалов Международных научных чтений памяти профессора А.С. Янушкевича «Жуковский и другие» (Томск, 17–20 сентября 2019 г.)).

разъезде» вводится множество голосов, высказывающих свою точку зрения на постановку).

Пока поселянин находится у Врат Закона он остается в сфере человеческого мира, так как привратник является таким же человеком, который, вероятно, не имеет представления о сущности Закона. Пока он не переходит границу Своего, человеческого, Закон ему не доступен. Причем четкая оппозиция, свойственная «Ревизору», снимается, вскрывается односущность сторон, так как оба персонажа оказываются жертвами и палачами друг друга: «Кроме того, хоть он и служит Закону, но служба его ограничена только этим входом, то есть служит он только этому человеку, единственному, для кого предназначен вход» [4. С. 452]. Ставит же их в это положение бытие, находящее воплощение в виде «врат», чтобы проситель просил и ждал, а привратник охранял ворота. Поселянин уподобляется Закону как «работодатель» привратника, а привратник как служитель Закона.

Итак, внесение субстратов других жанров в «Ревизоре» и «Процессе» играет значимую роль введения полярных структур, составляющих основу мирообраза, и демонстрации трагического положения человека, оказывающегося подавляемым надличностными силами.

Литература

1. Манн Ю.В. Встреча в лабиринте: Франц Кафка и Николай Гоголь // Вопросы литературы. М., 1999. № 2. С. 162–186.
2. Гоголь Н.В. Собр. соч. : в 14 т. М. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 4. 552 с.
3. Кафка Ф. Три романа: Замок. Процесс. Америка. М. : Эксмо, 2008. 704 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-69

ПОВЕСТЬ Н.В. ГОГОЛЯ «СТРАШНАЯ МЕСТЬ» В АСПЕКТЕ АЛХИМИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВЕЛИКОГО ДЕЛАНИЯ: ЭТАП НИГРЕДО

Барсукова В.О.

Томский государственный университет, студент

N.V.GOGOL'S SHORT STORY «A TERRIBLE VENGEANCE» IN THE ASPECT OF THE ALCHEMICAL CONCEPT OF THE GREAT WORK: NIGREDO PHASE

Barsukova V.O.

Tomsk State University, student

В статье интерпретируется повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть» в рамках алхимического дискурса.

Ключевые слова: алхимия, Гоголь, «Страшная месть».